

НАПОЛЕОН III И ЕГО ЭПОХА В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вторая империя во Франции и Наполеон III как личность и политик в течение долгого времени являлись предметом серьезных споров среди историков. Режим личной власти Наполеона III – с жесткой вертикалью, цензурой в печати, преследованиями оппозиции, подчинением представительного органа государственному аппарату – тем не менее включал прогрессивные тенденции и в ряде положений был одной из самых успешных эпох в истории Франции нового времени. Император объявил о политике возрождения страны, едва оправившейся от хаоса революции 1848 г., назвав приоритетами экономическое и индустриальное возрождение, социальное примирение общества, поддержку бесправного рабочего класса и молодой развивающейся буржуазии.

Обещания, пусть и не полностью, были выполнены. Именно в период Второй империи промышленный переворот во Франции входит в динамичную стадию развития и завершается. Теперь Франция покрыта сетью железных дорог. Париж реконструируется и становится подлинной столицей Европы, поражая архитектурным величием и новейшими технологиями урбанистики. Внешняя торговля тоже процветает в результате объявленного императором отказа от традиционного “кольберовского” протекционизма и перехода к свободному рынку.

Франция берет реванш и во внешней политике, о чем свидетельствуют победы в Крымской войне и войнах в Италии. Император добивается международного признания страны и выводит ее в ряд ведущих европейских игроков.

Если в социальном и экономическом отношении 20-летие Второй империи можно назвать для Франции успешным, то ситуация в общественно-политической жизни оставалась сложной, что в сущности и вело империю к гибели. Именно оценка общественно-политической жизни вызывала наибольшие споры и разногласия у современников и историков. Действительно, жизнь экономическая и жизнь политическая являлись собой драматичный контраст. Переворот 2 декабря 1851 г. захлопнул дверь свободы, ненадолго приоткрывшуюся для французов после революции 1848 г. Слово “стабильность” стало ключевым в политической доктрине Наполеона III. Он понимал, насколько раздроблено и ожесточено общество в ходе революции, насколько оно ощущает нехватку прочной, спланированной, авторитетной власти. Провозглашенные революцией свободы грозили перерасти в анархию, общество в целом еще не было готово к республиканскому строю, недостаточно созрело для самоуправления. По мнению императора, французам следовало оставить лишь одну единственную свободу – всеобщее избирательное право, с помощью которого они смогут выразить свое отношение к политике власти.

С целью стабилизации общества и ликвидации в нем раздоров император ввел цензуру, что привело к закрытию многих оппозиционных изданий, к эмиграции республиканцев и либералов. Оставшиеся в стране “инакомыслящие” вынуждены были уйти в

Уварова Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета.

негласную оппозицию, ограничившись беседами в салонах. Введение цензуры сопровождалось запретом на свободу собраний и фактической ликвидацией политических партий. Подавляющее большинство депутатов теперь составляли бонапартисты. Политическая жизнь в стране затухла, лишь только успев разгореться.

Такая противоречивость политики Наполеона III отразилась и на оценке этого периода исследователями. Советские историки изображали ее временем экономического застоя и социальной несправедливости, а самого императора – ничтожеством, волею случая оказавшимся на троне, не имевшим ни национальной поддержки, ни твердых программ и идей¹. Советская историография во многом руководствовалась работой К. Маркса “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта” – произведением, где анализ бонапартистского режима дан односторонне.

Возрождение интереса отечественных исследователей к данной эпохе началось недавно. Пока что их работы немногочисленны, однако они настойчиво привлекают внимание к пересмотру положений советской методологии².

Французские исследования по этой теме были разнообразнее и объективнее. Историки признавали экономический прогресс и то, что империя подготовила развитие институтов гражданского общества в последующую эпоху Третьей республики. Но к личности и идеям императора интереса проявлено не было. Бонапартистский режим также трактовался узко – исключительно как форма власти без социально-экономической доктрины³. Призыв к пересмотру оценки Второй империи, к ее реабилитации начал преобладать лишь в последнее десятилетие, что и отразилось в ряде крупных работ⁴.

В отличие от советской и французской англо-американская историография не находилась в плену идеологий, стремясь к максимальной объективности. Она исследовала проблемы, обойденные вниманием французских коллег, например, экономическую историю Второй империи и промышленный переворот во Франции, реформы образования, характер бонапартистского режима. Англо-американская историография проявила значительный интерес к исторической фигуре Наполеона III – как к личности, как к правителю и мыслителю, имевшему, вопреки утверждению марксистов и французских левых, цельную систему политических взглядов и разработавшему новую идеологию.

Хотя историки из Англии и США работали с теми же архивами и источниками (включающими личную переписку и сочинения императора, записки современников, документацию парламентских прений, прессу и статистику), что и их французские коллеги, бросаются в глаза разница в трактовке этих материалов и привлечение более широкого круга документов, позволившее охватить и большее количество проблем: социальных, идейных, культурных, политических и экономических.

¹ См.: Желубовская Э.Л. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956; Дразнинас Я.И. Современные буржуазные историки о Наполеоне III и Второй империи. – Новая и новейшая история, 1964, № 2; История Франции, т. 2. Под ред. А.З. Манфреда. М., 1972.

² См.: Смирнов А.Ю. Империя Наполеона III. М., 2003; Черкасов П.П. Наполеон III – император французов. – Новая и новейшая история, 2012, № 3.

³ Грегар Л. История Франции в XIX веке, т. 3. М., 1894; De la Gorce P. Histoire du Second Empire, v. 5, 6. Paris, 1904–1908; Seignobos Ch. Histoire de la France contemporaine. Paris, 1921; Tudesq A. La démocratie en France depuis 1815. Paris, 1971; Dansette A. Naissance de la France moderne. Le Second Empire. Paris, 1976; Plessis A. De la fête impériale au mur des fédérés. 1852–1871. Paris, 1979; Bluche F. Le Bonapartisme. Aux origines de la droite autoritaire. 1800–1850. Paris, 1980; Girard L. Napoléon III. Paris, 1986; Furet F. La Revolution 1814–1880. Paris, 1988; Rosanvallon P. L'Etat en France de 1789 à nos jours. Le Seuil, 1990.

⁴ Minc A. Louis-Napoléon revisité. Paris, 1996; Tulard J. Pourquoi réhabiliter le Second Empire? Paris, 1997; Milza P. Napoléon III. Paris, 2004; Boia L. Napoléon III, le mal-aimé. Editions Les Belles Lettres, 2007; Dufreigne J.-P. Napoléon III: Un empereur qui rêvait. Paris, 2007; Anceau E. Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Tallandier, 2008; Sagnes J. Napoléon III, le parcours d'un saint-simonien. Paris, 2008; Dargent R. Napoléon III, l'empereur du peuple. Collection Témoignages de l'Histoire. Ed. J. Grancher, 2009.

Прежде всего выделим группы проблем истории Второй империи, оказавшихся в центре внимания англо-американских исследователей. Это:

- критика историографического образа Второй империи;
- Наполеон III как мыслитель, политическая фигура, личность и герой своего времени, а также создатель уникальной политической системы. Новое толкование понятия “бонапартизм”;

- проблема реформизма в рамках авторитарного режима – либеральной империи, совместимость бонапартизма с традиционными течениями – либерализмом или республиканизмом;

- социальные реформы. Как одна из основных – реформа высшего образования В. Дюруи, весьма поверхностно освещавшаяся ранее;

- экономическая политика. Политика свободного рынка, англо-французский торговый договор и промышленный переворот во Франции – вопрос, который многие историки проигнорировали либо извратили в марксистском духе.

Ничто так ярко не отражает позиции историка, как битва с оппонентом. Критика французских коллег, предъявляемые им обвинения и стали демонстрацией взглядов на проблему со стороны англо-американских историков. Пожалуй, наиболее полноценным путеводителем по всем лабиринтам историографии Второй империи является труд С. Кэмпбелла⁵, где как раз и подвергаются критике “узкие места” традиционной французской историографии, выявляются ее заблуждения.

Французская историография, как отмечает Кэмпбелл, всегда была политизирована, представляя собой арену идейно-политических баталий. В результате в ней сложилось несколько политических направлений, каждое из которых отражало точку зрения той или иной партии. Вторая империя рассматривалась лишь как фундамент для создания Третьей республики, ибо режим Наполеона вызвал классовую борьбу за более справедливое общество и убедил французов в необходимости республиканско-парламентского строя⁶. За Второй империей не признавалось никаких заслуг в модернизации французской политической системы. Единственным критерием разграничения старой и новой Франции оставалась революция 1789 г. – радикальный, тектонический сдвиг и слом устоев, после которых все прочие формы власти считались лишь “косметическим ремонтом”.

Это породило и однобокое понимание режима Наполеона III. Кэмпбелл критикует историков республиканского направления (главным из них был современник империи Т. Делор) за то, что они считали бонапартизм всего лишь формой власти – тиранией, основанной на репрессивном аппарате, и не обращались к анализу государственных институтов империи, ее социальной политики, не говоря уже об идеях самого императора. Правда, другой известный свидетель эпохи, П. де ля Горс, представлявший либеральный лагерь, предложил более широкое понимание бонапартизма как “просвещенного деспотизма”. Если “просвещенный абсолютизм” XVIII в. был основан на идеях мыслителей Просвещения, то для Наполеона III, пишет Кэмпбелл, основополагающими стали новейшие идеи его времени – либерализм, социализм, демократия. Он создал из них эффективный сплав, позволивший всем слоям общества удовлетворить свои чаяния. Как отмечает Кэмпбелл, именно такой взгляд историка дает возможность для дальнейшего исследования бонапартизма не как формы власти, а как выдающейся социально-политической доктрины⁷.

Французская республиканская историография конца XIX – начала XX в. в целом довольно однобоко оценивала Вторую империю, считая ее формой авторитарной власти с опорой на армию, бюрократию и католическую церковь, воплощением личных амбиций Наполеона III, без серьезной социальной подоплеки, без общественного базиса.

⁵ *Campbell S.L. The Second Empire Revisited: a Study in French Historiography. New Brunswick, 1978.*

⁶ *Ibid.*, p. XIII.

⁷ *Ibid.*, p. 63 – 64.

Именно поэтому, как полагал виднейший представитель историографии того времени Ш. Сеньобос, империя без особых трудностей и была сметена рабочим и социалистическим движением⁸.

В 1930-е годы и после Второй мировой войны, в период расцвета и популярности школы “Анналов”, заложившей основы многомерной истории в противовес прежнему убеждению, что история может быть только политической, методология и исторический анализ значительно расширились. Исследователи переключились на бытовую, ментальную, социальную, экономическую историю, что снизило политизированность авторов, их зависимость от той или иной политической доктрины. Появилась возможность более беспристрастных выводов. Изменилось и видение Второй империи: вышли работы, где утверждалось, что империя заложила основы современного индустриального общества⁹. В центре внимания оказалась экономическая история той эпохи, в которой исследователи обнаружили значительный прогресс. Вторая империя стала рассматриваться как период технологической и социальной модернизации во Франции¹⁰.

Самым важным прорывом во французской историографии, заключает Кэмпбелл, был отказ от оценки режима Наполеона III лишь по его формальным политическим характеристикам, когда к подобной оценке добавился критерий экономической продуктивности и технологического развития. Во многом слова Кэмпбелла, сказанные в 1970-е годы, оказались пророческими: французская историография на этом не остановилась. На рубеже XX–XXI вв. появились работы историков нового поколения, уже отмеченные нами выше, продолжившие и углубившие тенденцию к реабилитации Второй империи, к более разносторонней характеристике ее значения в истории страны.

Установленная Наполеоном III политическая система, известная как “бонапартизм”, при глубоком анализе оказывается сложным комплексом факторов и проблем. Это не просто авторитарный популизм и “социальное лавирование”. В данном смысле она отличается от системы Наполеона I, представляя собой многогранную и более прогрессивную структуру, целью которой было не только создание лояльной социальной базы и обеспечение легитимности режима посредством уступок массам. Это была программа тотальной перестройки общества и страны во всех ее основах: политической, гражданско-правовой, социально-экономической, культурной, национальной.

Режим Наполеона III нередко называли пародией на режим его дяди. История, действительно, знает ряд подобных параллелей-пародий, преломлений сквозь призму времени. Можно сказать, что Рим императорский – насмешка над Римом царским, реставрация Стюартов в Англии – неудачная копия Тюдоров, французская реставрация Бурбонов – пародия на Старый порядок со всем его величием и пороками. Но этого никак не скажешь о режиме Наполеона III. Племянник оказался дальновиднее дяди. Отнюдь не мечтатель, Наполеон III был прагматиком, ориентированным на настоящее и будущее, своего рода провидцем, предчувствовавшим актуальные вызовы и тенденции времени. В частности, его внешнеполитическая программа была более скромной, чем программа его дяди. Наполеон III сосредоточился на внутренних делах, более срочных и злободневных.

Британский исследователь У. Смит также подчеркивает необходимость неоднозначной трактовки бонапартизма. Форма правления Бонапарта-младшего, пишет он, – это создание государства, основанного не на доминировании и удовлетворении интересов одного экономически и политически лидирующего класса, как утверждает марксизм, а на создании широкой социальной базы. Для того времени это стало инновацией – ведь все монархии Европы были тогда классово-сословными. Внесословный и внеклассовый режим, по мнению Смита, – это уже шаг к современному социализму. Именно поэтому император одержал победу над республиканцами: он ориентировался на широкую ауди-

⁸ См. *Seignobos Ch.* Op. cit.

⁹ *Campbell S.L.* Op. cit, p. 152.

¹⁰ *Tudesq A.* Op. cit.; *Dansette A.* Op. cit.; *Plessis A.* Op. cit.; *Girard L.* Op. cit.; *Furet F.* Op. cit.; *Rosanvallon P.* Op. cit.

торию, а они – на мелкий средний класс и рабочих¹¹. Император выиграл у всех прочих политических сил еще и потому, что они были чрезмерно озабочены формой режима, что шло в ущерб его содержанию. Скажем, справедливая по форме Июльская монархия по сути оказалась антинародным режимом, ибо королевская власть создала множество лакун для игнорирования принципов свободы и равенства. Вопиющий тому пример – избирательный ценз. Наполеон же уделял внимание сути. Неважно, заявлял он, республика, империя или некий режим личной власти, главное – социальная справедливость, политическое участие для всех¹².

В работе Смита Наполеон III предстает мыслителем-оппортунистом, разбивающим все сословные и социальные барьеры, тем, кто “приходит в нужный час” и знает свое предназначение. “Идите во главе идей вашего века, – говорил император, – и они последуют за вами и поддержат вас. Если вы пойдете против них, они вас сметут”¹³. Это знаменитое высказывание Наполеона III, по мнению историка, и объясняет его политическую программу: дать возможность высказаться всем новейшим партиям, социальным группам и идейным течениям.

Отчасти из-за собственных ошибок, отчасти из-за неблагоприятного стечения обстоятельств император стал общенациональным “козлом отпущения”¹⁴. Ему ставили в вину неудачную внешнюю политику, лицемерие в социальных вопросах и идеалистическую веру в собственное предназначение. “Все труднее соглашаться с утверждением, – пишет Смит, – будто император был подлецом и преступником, а Вторая империя – всего лишь жалким перерывом в эволюции Франции к ее современному состоянию”¹⁵. Историк приходит к заключению, что “у режима было прекрасное будущее”¹⁶.

Во Франции существует давний полународный, полуофициальный “миф о спасителе”: воспевание политических фигур, в критические моменты истории страны появившихся почти из ниоткуда, принимавших на себя руководство страной и спасших ее от кризиса, междоусобицы или войны¹⁷. Такими спасителями были Карл Великий, Жанна д'Арк, оба Наполеона, де Голль. Имели место сравнения режимов Наполеона III и де Голля, их взглядов и программ¹⁸. Принадлежность Наполеона III к когорте “великих” долго оспаривалась, однако ряд историков считают иначе. Как полагает Дж. Гуч, Наполеон III был истинным диктатором в высоком и чистейшем древнегреческом смысле этого слова – лидером, захватившим власть в критический момент и усмирившим, образумившим растерянных и “осиротевших” без сильного правителя граждан. И подданные его не просто терпели, но и любили. Заслужить любовь народа – не это ли есть свидетельство величайшей мудрости, щедрости и ловкости политика, ловкости истинно макиавеллиевской?¹⁹ Наполеон I, пишет Гуч, был настоящим львом, завоевавшим верность и восхищение народа ратными подвигами, решительностью, дерзостью политика и полководца и жесткостью реформатора. А его племянник – это и лев, и лисица. Готовый уступить воле масс, он не страшился проявить мягкость во имя сохранения мира в обществе.

При избрании Луи Бонапарта президентом в 1848 г. “бонапартизм представлял собой единственно реалистичную альтернативу различным формам правления, которые Франция пережила за последние годы и которые она отвергла”²⁰. Это были идеология и

¹¹ *Smith W.* Napoleon III. Paris, 1982, p. 104.

¹² *Ibid.*, p. 105.

¹³ *Ibid.*, p. 407.

¹⁴ *Ibid.*, p. 409.

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ *Ibid.*, p. 361.

¹⁷ Об этом подробнее см. *Тюлар Ж.* Наполеон. М., 2012.

¹⁸ См.: *Corley Th.* Democratic Despot: a Life of Napoleon III. London, 1961; *Duclos J.* De Napoléon III à de Gaulle. Paris, 1964.

¹⁹ *Gooch G.P.* The Second Empire. London, 1960.

²⁰ *Corley Th.* Op. cit., p. 72.

программа, действовавшие в интересах всех активных в то время социальных групп – от промышленно-торговой буржуазии до пролетариата. Остальные партии ориентировались на узкую социальную группу²¹.

О неизбежности бонапартистской диктатуры пишет и американский исследователь Ф. Симпсон, отмечая, что во Франции не существовало другой сплачивающей нацию силы²². Мощь рабочего движения, считает он, была явно преувеличена социалистами; республиканцы постоянно дробились на мелкие фракции – умеренные, радикальные и прочие; монархисты отказывались идти на компромиссы и вызывали в массах недоверие и отвращение. Симпсон убедительно раскрывает историческую неизбежность второго пришествия бонапартизма.

Большое значение в политических решениях Наполеона III, отмечает Гуч, имели его личностные качества: это был добрый и честный человек, не способный на цинизм и жестокость, присущие его дяде²³. «Более близкое знакомство, – пишет Гуч, – открывает нам самого человеческого из диктаторов, искренне желающего благополучия своей стране, и самого справедливого к простым людям... Лучшее всего его описала королева Виктория после его визита в Виндзор в 1855 г.: “выдающийся человек”»²⁴.

Бонапарт-младший сумел создать себе образ поистине королевский, вроде “короля-чудотворца” при Старом порядке, когда монарх являл собой все лучшее, что есть в стране – и духовно, и физически, олицетворял добродетель, отвагу, справедливость и благополучие нации. Здесь, полагает Гуч, как раз и сыграла свою роль почти религиозная вера французов в спасителя, будь то помазанник божий король или молодой офицер, примеривший мантию и корону. Оба Бонапарта успешно примиряли королевские лилии и республиканские колосья. В самом деле, монархия после Реставрации утратила свое бывшее очарование и власть над сознанием масс. По словам Ф.Р. де Шатобриана, французы привыкли видеть короля богом, король-гражданин был им чужд и непонятен, опыт революционной борьбы посеял в обществе цинизм и скептицизм относительно короны. Предшественник Наполеона III, король Луи-Филипп, был всего лишь “первый среди буржуа”, в нем не было ничего королевского, вызывающего уважение или восхищение²⁵.

Наполеон III вернул французской монархии былой авторитет, сакральность, очарование – все то, что составляло ее суть в течение веков, что было грубо, внезапно утрачено после революции и что так и не смогли возродить Бурбоны и Орлеаны после 1815 г. И выразилось это во всех аспектах жизни страны – в техническом и экономическом прогрессе, блеске императорского двора, покровительстве искусствам, развитии урбанистической культуры, реконструкции крупнейших городов, и прежде всего Парижа, поражавшего воображение современников своим величием и технологическими новшествами, как Версаль при Людовике XIV. Кроме того, император сумел привнести в политику свои личные качества, доказав, что управление страной не только профессия, но и призвание, состояние духа, особый род философии.

С. Кэмпбелл проследил “рождение” Второй империи начиная с первых теоретических работ Луи Бонапарта 1830–1840-х годов. “Хотя его мировоззрение, – пишет исследователь, – нельзя назвать полностью оригинальным, Луи Наполеон обладал выдающейся способностью усваивать идеи других людей и помещать их в собственную обширную систему благотворительных и гуманитарных программ. Особенно он был восприимчив к общественному мнению 1830-х и 1840-х годов и прекрасно понимал демократические чаяния того времени”²⁶. Вторая империя, считает Кэмпбелл, – это до словно выполненный идеологический проект молодого Луи Бонапарта, зародившийся

²¹ Ibidem.

²² *Simpson F.A. Louis Napoleon and the Recovery of France, 1848–1856. Westport, 1975, p. V.*

²³ *Gooch G.P. Op. cit., p. 3.*

²⁴ Ibid., p. V.

²⁵ Ibid., p. 20.

²⁶ *Campbell S.L. Op. cit., p. 1.*

и сконструированный еще задолго до его прихода к власти. Бонапартизм Наполеона III состоял из двух частей: возрождения наполеоновской легенды и решения острых социально-политических проблем.

В ранних теоретических работах – “Политических размышлениях”, “Наполеоновской идее” и “Искоренении нищеты” – Луи Бонапарт представил историю как развитие человеческого общества, когда периоды радикальных изменений вызывают революции и хаос. Чтобы остановить хаос и направить развитие в нужное русло, необходимы великие люди – такие, как Наполеон I²⁷.

Кэмпбелл, как и Смит, утверждает, что бонапартизм – это и форма власти, и значимая политическая идеология (на что не обращали внимания марксисты и чего почти не отметили французские историки), основанная на прямом взаимодействии государства (императора) и народа без посредничества парламента. Император и народ – два столпа жизни государства. По мнению Луи Бонапарта, парламенты, избираемые на основе ценза узкой группой людей, не отражают интересов всей нации, к примеру, того же рабочего класса. Кроме того, считал он, при всеобщем избирательном праве парламент раздробится на множество мелких партий, которые начнут межфракционную борьбу и ради личных интересов предадут интересы своих избирателей.

В 1840-е годы, полагает Кэмпбелл, бонапартизм “был частью социалистического романтизма”. Молодой Бонапарт, находясь тогда в крепости Гам, куда был заключен за неудачную попытку военного переворота, вел переписку с Луи Бланом и Жорж Санд и снискал себе репутацию прогрессивного социалиста²⁸. В результате этой переписки появилась работа “Искоренение нищеты”, окрашенная в тона социалистического романтизма. В ней утверждалось, что вмешательство государства поможет улучшить условия жизни и труда рабочих. Если К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали конфликт труда и капитала, рабочего и предпринимателя, то Луи Бонапарт, напротив, отрицая этот конфликт, видел будущее в сотрудничестве двух классов в рамках капитализма и индустриализации. Здесь он следовал за идеями Сен-Симона, которого также считал одним из своих духовных учителей. Будущий император разделял сен-симонистскую идею о том, что власть в современной ему Франции должна быть представлена не знатью и адвокатами, а технократами – промышленниками, учеными и банкирами; и это отнюдь не приведет к классовой борьбе, неизбежно возникающей с развитием прогресса, как утверждали социалисты. Борьба с бедностью, по мнению Луи Бонапарта, подразумевает не классовое равенство, а развитие капитализма и промышленности²⁹.

Однако именно социализм Наполеона III вызвал яростное неприятие как его самого, так и его режима со стороны республиканцев. Они обвинили императора в узурпации социалистической идеи, в попытке поставить социализм на службу капиталу. Отсюда и возникло неверное, однобокое понимание бонапартизма. Между тем бонапартизм не только социальная доктрина, система политического мировоззрения, но еще и “дитя века”. Это власть, стремящаяся примирить соперничающие социальные силы и максимально адекватно ответить на вызовы и протесты³⁰. Дополняя Кэмпбелла, другой британский исследователь Т. Зелдин утверждает, что бонапартизм стал самодостаточной доктриной и политической программой, основанной на конкретных достижениях Второй империи – сильной власти монарха, благосостоянии рабочих и крестьян, промышленном росте³¹. Кэмпбелл в свою очередь отмечает: “Бонапартизм... заполнил пропасть, оставшуюся после падения монархии, и Луи Наполеон дал ответ на то, что осторожные и лишенные воображения орлеанисты отказывались признать проблемой”³². Как

²⁷ Ibid., p. 3.

²⁸ Ibid., p. 5.

²⁹ Corley Th. Op. cit., p. 46.

³⁰ Campbell S.L. Op. cit., p. 42.

³¹ Zeldin T. The Political System of Napoleon III. London, 1958, p. 166.

³² Campbell S.L. Op. cit., p. 200.

полагает Кэмпбелл, успех бонапартизма во многом был гарантирован благодаря тому, что император включил в свою программу социалистические идеи и начал эффективно их воплощать. Тем самым он обезоружил социалистов. Отныне различие между ними сводилось лишь к методам, ответу на вопрос, кем должны проводиться реформы – республиканским правительством или авторитарным государем. Последний проводил их явно эффективнее.

Вторит Кэмпбеллу и исследователь Т. Корли: “Теперь Наполеон III предстает человеком, который всю жизнь руководствовался идеями Сен-Симона, а не бонапартистскими идеями своего дяди. Он намеренно отказался возродить империю дяди, но воспользовался возможностями, представившимися ему в ходе пробуждения Европы в 1848 г., после десятилетий политического и экономического застоя. Он полностью использовал свои способности политического лидера, чтобы сформировать или хотя бы подготовить новый политический и социальный порядок в Европе”³³.

Корли показывает трагедию императора: 20 лет он строил государственное здание и построил его прочным и процветающим, но при первом же потрясении – поражении французских войск в войне с Пруссией в 1870 г. – народ его покинул и предал, не простив блестящему политику военной неудачи. Это и делает фигуру императора трагической в глазах историков и потомков. Цитата, которую приводит автор, взята из письма императрицы Евгении, повествующей о последних днях императора: «Он отвечал: “Нет, я не буду защищаться. Некоторые катастрофы столь плачевны для нации, что она возлагает вину за них на правителя. Монарх, особенно император, лишь унижит себя мольбами о прощении у своего народа; для него не может быть ни извинений, ни смягчающих обстоятельств. Его прерогатива – принять на себя всю ответственность за тех, кто служил ему или предал его”»³⁴. Далее Корли пишет: “Его уникальность как государственного лидера заключалась в том, что качества прагматика и оппортуниста, необходимые для правления, сочетались в нем с пронизательностью и объективностью интеллектуала”³⁵. Режим личной власти позволял Наполеону III, в душе оставаясь идеалистом, на практике быть оппортунистом – легко приспосабливаться к обстоятельствам и переменам вне зависимости от их идеологической окраски”³⁶.

Симпсон акцентирует внимание на внешнеполитических достижениях империи³⁷. Он подчеркивает, что заслуги Наполеона III состояли не в великих завоеваниях, а в великом миротворчестве и создании национальных государств Европы. Если Первая империя была всего лишь экспериментом, притом преждевременным, предтечей создания национальных государств и пробуждения самосознания наций, то Вторая империя поистине совершила переворот в европейских порядках и внешней политике, разбудила национальное движение. Наглядные тому примеры – поддержка Наполеоном III итальянского освободительного движения, невмешательство в австро-пруссский конфликт, связанный с объединением Германии.

Как уже было отмечено, исследователи и современники раньше не проявляли большого интереса к личности императора, к его психологическому портрету. Труд американского историка Р. Уильямса, посвященный частной жизни императора, восполняет этот пробел³⁸. Автор называет Наполеона III “одной из величайших загадок в истории”³⁹. Монография построена на идее о том, что изучение бытовой жизни человека необходимо для более глубокого его понимания как политика. Историк прослеживает нравственное и психологическое становление личности Луи Бонапарта с самого детства и то влияние, которое оказывали на него мать, Гортензия де Богарне, падчерица Наполеона I,

³³ *Corley Th. Op. cit.*, p. IX.

³⁴ *Ibid.*, p. 354.

³⁵ *Ibid.*, p. 356.

³⁶ *McMillan J.F. Napoleon III. London – New York, 1991*, p. 167.

³⁷ *Simpson F.A. Op. cit.*

³⁸ *Williams R.L. The Mortal Napoleon III. Princeton, 1971.*

³⁹ *Ibid.*, p. 6.

и, конечно, великий дядя. Отсюда и происходит вера Луи Бонапарта в свое “наполеоновское” призвание. Книга ценна приводимыми в ней документальными материалами – свидетельствами близких, друзей, коллег о характере и привычках императора. Уильямс демонстрирует, насколько неразделимы человек и политик. Формирование политических позиций, считает историк, немислимо без некоторых личностных качеств; они определяют как путь деятеля к власти, так и всю его программу.

Безусловного внимания заслуживает и “Исторический словарь Второй империи”, подготовленный исследователями из университетов Англии, США и Канады⁴⁰. Он увидел свет раньше, чем знаменитый “Словарь Второй империи” под редакцией Ж. Тюлара⁴¹. Коллективный труд англоязычных историков стал результатом кропотливой работы по систематизированию основных проблем истории, экономики и культуры Второй империи с указанием ее виднейших политических деятелей различных направлений. Во вступительной статье авторы также призывают воспринимать бонапартизм не как бюрократическую, военно-клерикальную диктатуру, а как обширную социальную программу, которая была не понята современниками. По их мнению, бонапартистский режим, почти беспрецедентная для Франции форма власти, оказался со всех сторон окружен врагами: республиканцами, орлеанистами, легитимистами, католиками. Даже интеллектуалы и художники бранили его за буржуазную вульгаризацию, считая пошлой всю артистическую жизнь империи. На этом фоне Наполеон III предстает как герой-одиночка, воплотивший рискованный и смелый проект. Проект под названием “Вторая империя” имел столь широкий размах, так глубоко пронизал все сферы общественной жизни, что время правления его автора можно смело назвать “веком Наполеона III”⁴².

Не менее противоречивым и сложным для исследователей всегда был вопрос о принципах взаимодействия Наполеона III с общественными движениями различной направленности, его готовности принять и понять новые социальные идеи. И здесь англо-американская историография тоже делает смелый шаг: ее представители настаивают на том, что нетерпимость императора к инакомыслию на грани политического террора – всего лишь очередной республиканско-социалистический миф. Так, Смит связывает политическую толерантность императора с его концепциями социального примирения и политики в интересах каждого социального слоя. “Навязчивой идеей императора, – пишет исследователь, – было желание стать народным императором, императором всех французов, и для этого он должен был признать существование оппозиции, и она в свою очередь должна была признать его. Необходимо было, чтобы оппозиция была легитимно представлена на выборах и в Законодательном корпусе”⁴³.

Многочисленные споры историков вызывала, в частности, так называемая “либеральная империя” 1860-х годов – период, когда император объявил о начале либеральных реформ в связи с усилившимся недовольством оппозиционных сил – новой либеральной партии. Впервые одержавшая победу на парламентских выборах 1857 г. и возглавляемая Эмилем Олливье, эта партия вошла в историю под именем “Пять” (“Le Cinq”), поскольку в то время в парламент от оппозиции действительно прошли только пять депутатов. Энергичный и волевой лидер, Олливье продолжил борьбу. Она завершилась манифестом императора от 19 января 1867 г., объявлявшим о начале преобразования в институтах законодательной власти и гражданского общества: введении законодательной инициативы парламента, свободы слова, собраний, ответственности министров перед парламентом. По мнению Смита, само существование такой оппозиции и ее победа доказывают, что бонапартистский режим не был репрессивным к инакомыслящим, а политическая борьба велась свободно, легальными методами. Чтобы сохранить власть, императору нужно было постоянно опираться на новых людей

⁴⁰ Historical Dictionary of the French Second Empire, 1852–1870. Ed. by W.E. Echard. London, 1985.

⁴¹ Dictionnaire du Second Empire. Paris, 1995.

⁴² Ibid., p. IX.

⁴³ Smith W. Op. cit., p. 224.

и вместе с ними откликаться на идейные веяния эпохи⁴⁴. Другое дело, что радикальная оппозиция предпочитала отказываться от сотрудничества с “узурпаторским” режимом, как поступили, например, республиканцы. Либералы же во главе с Олливье, нацеленные на реформизм без переворотов и революций, готовы были с помощью реформ спасти накренившийся корабль непобедимой империи, за что получили от радикалов прозвище “коллораборационисты”. Союз императора-социалиста и либералов, традиционно исключавших из своей повестки социальные вопросы и сосредоточенных на проблеме гражданских свобод, на деле оказался плодотворным, наконец-то впервые в политической жизни Франции примирив либерализм и демократию. Основное расхождение между этими течениями заключалось во взгляде на всеобщее избирательное право: либералы его не допускали.

“Смешивая новое со старым, – пишет Кэмпбелл, – империя избежала трагических неудач Второй республики и установила политическую базу для Третьей республики... Империя успешно соединила либерализм и демократию. До империи либерализм и демократия были двумя противоположными друг другу политическими традициями”⁴⁵. Историк пытается реабилитировать в глазах современной публики и такую политическую фигуру, как Олливье. Некогда Олливье был несправедливо очернен историей и современниками, считает он, за предательство оппозиции и сотрудничество с “узурпатором”, за смелый, едва ли не авантюристический проект – “либеральную империю”, над созданием которой он трудился совместно с императором. Продержись империя дольше, не будь она сметена нелепым поражением в войне с Пруссией, Олливье вошел бы в историю как политик, сумевший осуществить беспрецедентный для своей эпохи план – примирить демократию и либеральную монархию, к которой, по его замыслу, должен был эволюционировать наполеоновский режим⁴⁶.

Еще одним камнем преткновения для историков является вопрос о том, можно ли считать “новых либералов” под руководством Олливье и его программу реформ самостоятельным движением, а их лидера – самостоятельным мыслителем и политиком, а не просто “винтиком”, с помощью которого император претворял в жизнь свои реформаторские замыслы. Наполеон III не раз утверждал, что рано или поздно империя придет к либеральным реформам – тогда, когда общество достаточно стабилизируется и само потребует этих реформ. Можно ли назвать Олливье голосом пробудившегося общества? Точки зрения исследователей на этот счет настолько противоречивы, что их трудно свести к общему знаменателю. Часть из них считает Олливье фигурой сугубо механистичной, случайно оказавшейся в большой игре императора. Другие настаивают на том, что он был выдающимся теоретиком либеральной демократии, едва ли не французским Джоном Стюартом Миллем, а кроме того, еще и успешным политиком-практиком.

Вторая точка зрения, кстати, весьма популярна среди французской историографии последнего десятилетия. Что касается историографии англо-американской, то твердыми защитниками Олливье выступают С. Кэмпбелл и Т. Зелдин, посвятивший идеям и деятельности французского либерала отдельную монографию⁴⁷. Остальные уделили Олливье мало внимания, считая его лишь умелым исполнителем замыслов императора и настаивая на том, что “либеральная империя” – детище исключительно наполеоновское.

Вместе тем, отмечает Зелдин, сотрудничество либералов с империей погубило французскую либерально-демократическую мысль и в целом все это политическое течение. Поставив либеральную идею на службу своему режиму, император тем самым очернил ее в глазах общества⁴⁸. Ведь начиная с эпохи Реставрации либералы постоянно находились в оппозиции королевской власти, зорко наблюдая за тем, как власть скаты-

⁴⁴ *Ibid.*, p. 218.

⁴⁵ *Campbell S.L.* Op. cit., p. 23.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 90.

⁴⁷ *Zeldin T.E.* Ollivier and the Liberal Empire of Napoléon III. Oxford, 1963.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 137.

ваются к традициям Старого порядка. Со времен же Второй империи либерализм перестал рассматриваться современниками и историками как оппозиционное и независимое течение.

Тем не менее большинство англо-американских историков полагают, что “либеральная империя” и недолгая деятельность реформатора Олливье играли значительную роль и заслуживают пристального внимания. Интерес вызывает не столько результат реформ, сколько их замысел – попытка соединить либеральную демократию в обществе с практически авторитарной монархией. Однако многие историки данного направления все же склонны полагать, что реформы были идеей императора, а не следствием давления оппозиции и уж тем более не следствием ее авторитета в обществе. Император говорил не только на языке социалистов, он блестяще освоил и язык либералов. Поэтому официальная политическая линия империи с легкостью поглощала другие общественные течения и идеи.

Социальная политика Наполеона III так же, как и все прочие реформы, подвергалась жесткой критике и являлась объектом бурных споров, продолжающихся до сих пор. Французы так и не могут договориться, признавать императора социалистом или нет. Англо-американские историки склонны приписывать все социалистические прорывы того времени именно его программе. Разумеется, все фундаментальные проблемы рабочего класса в тот период решены не были, но были сделаны существенные шаги по их решению, значительно облегчившие работу наследникам империи в конце XIX – начале XX в. “В этой области с ним не мог соперничать ни один из государей”⁴⁹, – пишет Смит.

Смит выделяет важный нюанс: в своей социальной политике Наполеон III был не марксистом, а прудонистом. Он полагал, что рабочие должны создавать ассоциации по защите труда и переговорам с патроном, не вмешиваясь в политические вопросы. Труд и капитал – союзники, а не враги, деятельность рабочих должна быть направлена на сотрудничество с предпринимателем, а не на освобождение от его “гнета” революционным путем. Действительно, это более соответствовало реальности: французский промышленный пролетариат был не так развит, как английский, и речь здесь могла идти не столько о классическом Марксовом промышленном пролетариате, сколько о мелких ремесленниках. Этим и объясняется конфликт рабочих с республиканцами, которые настаивали на приоритете политических вопросов. Рабочие же первое место отводили вопросам социальным и отстаиванию своих трудовых прав⁵⁰.

Широкая социальная программа империи – непреложный факт. В 1864 г. государство разрешило организацию рабочих ассоциаций (предвестников профсоюзов), отменив скандально знаменитый закон Ле Шапелье от 1791 г., запретивший подобные ассоциации. Кроме того, были введены “кассы взаимопомощи” для рабочих на случай болезни, увечья, досрочной пенсии, создавались специальные кредитные и пенсионные учреждения для рабочих. Развивалось строительство жилья в местах концентрации рабочих. Пример тому – развитие парижского пригорода Бельвиль. Другое дело, насколько прорывными и прогрессивными виделись историкам такие законы. Понятно, что для советской историографии они были всего лишь “буржуазным реформизмом”. Англо-американские коллеги оценили их по-иному. Так, Смит полагает, что законы, введенные в то время для французских рабочих, не имели “аналогов ни в одной другой европейской стране”⁵¹. (Для сравнения напомним, что в Англии в 1870-е годы только начались реформы Гладстона, а затем Дизраэли.) Аналогичного мнения придерживаются и авторы “Словаря Второй империи”. Наполеон III, пишут они, “первый французский правитель, осознавший остроту социального вопроса, и его правительство первым попыталось применить лекарство от болезней, вызванных индустриализацией”⁵². Поэтому

⁴⁹ *Smith W.* Op. cit., p. 286.

⁵⁰ *Ibidem.*

⁵¹ *Ibid.*, p. 296.

⁵² *Historical Dictionary of the French Second Empire, 1852–1870*, p. IX.

бонапартизм той эпохи означал прежде всего социальную доктрину ответственности за благосостояние широких масс, а не манипулирование их политическими и классовыми интересами, как пытались представить марксисты.

Смит, Корли, Макмиллан, Кэмпбелл и Гуч единодушны в том, что имевшие место забастовки и политические манифестации рабочих не несли в себе угрозу империи, не будучи направлены на свержение режима. Главными их требованиями были трудовые, касавшиеся трудового законодательства и уровня зарплаты, но это никак не ставилось в зависимость от их политических взглядов. Недовольство конкретным фабрикантом не распространялось на недовольство политикой императора. Опираясь на статистику, зафиксированную в архивных документах, Смит, в частности, приходит к выводу, что популярность и влияние социалистов среди рабочих явно преувеличены. Во-первых, на общенациональных выборах в парламент 1869 г. в промышленных регионах Франции, где концентрация рабочих была наиболее высокой, существенный перевес над социалистами имели бонапартисты и либералы. Во-вторых, замечает Смит, не стоит путать пропаганду социалистических идей среди рабочих с призывами к свержению империи; зачастую собрания социалистов и их агитация были мирными и нацеленными исключительно на решение насущных бытовых проблем рабочих, а не на мировую революцию⁵³.

Большую и кропотливую работу проделала американская исследовательница С. Хорват-Петерсон, посвятившая свою монографию одной из ключевых социальных проблем той эпохи – образованию⁵⁴. Ее монография не только знакомит читателя с малоизвестными прежде реформами и политикой в этой области, но и дает представление о новаторстве программы императора и его “команды”.

В центре исследования – реформа системы школьного и высшего образования, проводившаяся с 1863 по 1869 г. министром образования Виктором Дюруи. Один из самых горячих и энергичных сторонников “либеральной империи”, он и реформу образования мыслил в контексте реформ институтов гражданского общества. Основной аргумент Дюруи состоял в том, что всеобщее начальное бесплатное образование необходимо, поскольку всеобщее избирательное право требует наличия грамотного избирателя. Право на доступное образование, считал он, как и политические права, – одна из вех прогресса XIX в., и это уже начало осознать все общество. Новый век – век технологий и модернизации, а для их успешного воплощения нужны грамотные, искусные, хорошо подготовленные работники. Демократия без интеллекта и просвещенности, по мнению Дюруи, рискует превратиться во власть стада санкюлотов, движимых низменными инстинктами, что в итоге приведет к разложению демократии и появлению нового тирана. Таким образом, для защиты граждан от самих себя им нужно образование.

Дюруи сразу же столкнулся с неприятием его реформ реакционным крылом бонапартистов и традиционными либералами. С точки зрения либералов, образование могло быть только личным выбором человека, причем человека обеспеченного, способного найти своему образованию достойное применение. Широким же народным массам оно просто не нужно – они нацелены на достаточно примитивный труд. Иными словами, образование мыслилось как привилегия. Дюруи же пытался сделать его всеобщей обязанностью, распространявшейся на каждого гражданина. Он стал первым в европейской истории министром образования, который призвал государство повысить финансирование этой области и сделать образование одной из приоритетных статей расходов бюджета⁵⁵.

Закон о всеобщем обязательном бесплатном начальном образовании в то время так и не был принят (произошло это десятилетием позже – при Третьей республике), однако министерство Дюруи сделало ряд важных, прорывных для своей эпохи шагов.

⁵³ *Smith W.* Op. cit., p. 350–354.

⁵⁴ *Horvath-Peterson S.* Victor Duruy and French Education: Liberal Reform in the Second Empire. London – Baton Rouge, 1984.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 120.

Каждая коммуна отныне была обязана построить школу. Девочки в плане начального образования приравнивались к мальчикам. Началось развитие “техникумов” (образовательных курсов) для взрослых – как мужчин, так и женщин. В школах вводились новые предметы: история, география, физическая культура, музыка, экономические науки. Дюруи настаивал на необходимости введения в школьную и университетскую программы предметов, которые отражали бы развитие современного общества, – экономики и политологии, социологии. Теперь ученики и студенты должны были не только изучать античных и средневековых мыслителей, но и уметь анализировать общественную мысль современной им эпохи⁵⁶.

Отдельное внимание Дюруи уделял проблеме женского образования. Он пристально следил за растущим суфражистским движением в Европе, за всем, что касалось “женского вопроса” и роли женщины в обществе, и пришел к выводу, что социальная роль женщины со временем будет только расти. Не за горами были и избирательные права для женщин. Следовательно, считал Дюруи, необходимо воспитание независимо мыслящей гражданки, способной быть не только хозяйкой и матерью, но и воспитательницей достойного гражданина, партнером для супруга⁵⁷. В этом вопросе взгляды Дюруи перекликались со взглядами британского философа Милля, в 1860-е годы также вплотную занимавшегося женским движением и написавшего известную книгу “Подчиненность женщины”⁵⁸. Не исключено, что Дюруи вдохновлялись в том числе и идеи Милля.

Со страниц книги Хорват-Петерсон наполеоновский министр образования предстает как незаслуженно забытый и недооцененный реформатор, причем реформатор намного более решительный и инновационный, чем Олливье и все те, кто работал над программой “либеральной империи”. Истинный либерализм империи, ее широкая социальная ориентированность и гражданско-гуманистическая направленность проявились именно в реформах Дюруи.

Дюруи так же, как Олливье, стал лицом эпохи, которая пыталась примирить либерально-монархическую традицию с демократией. В противовес либеральной логике невмешательства в частную жизнь получение образования переходило из частной сферы в публичную, что повышало коллективную ответственность граждан и, главное, социальную ответственность государства. Таким образом, реформы в сфере образования вывели Вторую империю на путь типичного социального государства, ставшего характерным для Запада столетие спустя – в середине XX в. Несмотря на сопротивление бонапартистов, Наполеон III горячо поддерживал введение всеобщего начального образования, новых учебных дисциплин и развитие школ в целом. Реформы Дюруи подготовили почву для аналогичных реформ при Третьей республике, и поэтому империю также можно считать мостиком к республике⁵⁹.

Наконец, обратимся к экономической политике Второй империи. Проблема эта также надолго выпала из поля зрения историков либо была превратно ими истолкована. Поразительно, но на фоне общеизвестных фактов, свидетельствующих о промышленном росте и общем прогрессе экономики того периода, большинство историков предпочли обойти стороной этот вопрос или не связывать его с именем Наполеона III.

Англо-американская историография доказывает ущербность такого подхода. Согласно ее выводам, Вторая империя – это время, когда страна полностью раскрыла свой мощный экономический и технологический потенциал, а у власти оказался правитель, действительно заинтересованный в экономическом процветании, уделявший ему огромное внимание и разработавший собственную концепцию экономической политики. Со времен Великой французской революции ни один из правителей Франции не считал экономику основой социальной и политической стабильности. Республика,

⁵⁶ Ibid., p. 148.

⁵⁷ Ibid., p. 155.

⁵⁸ См. Mill J.S. *The Subjection of Women*. London, 1869.

⁵⁹ Horvath-Peterson S. Op. cit., p. 245 – 248.

империя, монархия – все они были озабочены прежде всего формой власти, политическими свободами, международным престижем и военной славой страны. Между тем еще период якобинской диктатуры доказал, что никакие демократические ценности не приживутся в разоренном и голодном государстве. Ошибку допустили и лидеры революции 1848 г., отодвинув экономическую программу на задний план. Еще будучи президентом, Луи Бонапарт отлично понимал: чтобы научить народ демократии, его сперва нужно накормить. Поэтому первое десятилетие империи прошло под девизом: “Сначала стабильность, затем – свобода”. Стабильность император связывал с экономическим благополучием. Как отмечает Смит, “даже если Наполеон III не добился процветания французской экономики, он сильно поспособствовал ее развитию, обеспечив многолетнюю стабильность, столь важную для промышленного подъема”⁶⁰.

Экономическая политика Наполеона III рассматривалась в работах уже упомянутых нами британских и американских исследователей – в рамках анализа его социально-политического курса. Их оценка была однозначной: Вторая империя, бесспорно, стала для Франции временем настоящего экономического чуда. Промышленный рост, урбанизация, новые технологии, расширение торговли и рынков сбыта, а самое главное – внедрение принципа свободного рынка после почти 200 лет протекционизма, утвержденного еще министром финансов Людовика XIV Ж.-Б. Кольбером.

Но что представлял собой и как функционировал этот прекрасно отлаженный механизм? Почему он работал столь успешно? Какие идеи были заложены в его разработку? Попытку дать ответы на эти вопросы предпринял американский историк А. Данхэм. Работу Данхэма, посвященную истории промышленного переворота во Франции второй половины XIX в. и его особенностям в период Второй империи, пожалуй, можно назвать наиболее глубокой и плодотворной по данной проблеме⁶¹.

В центре исследования – экономист Мишель Шевалье, теоретик и практик, в 1850-х годах возглавивший специальную правительственную комиссию по вопросам промышленности и торговли. Шевалье, как и многие другие деятели Второй империи, был незаслуженно забыт историками, хотя своей деятельностью он внес неоценимый вклад в развитие французской экономики, за что его и приравнивают к таким выдающимся мыслителям, как физиократы Ф. Кенэ и А.Р. Тюрго и Ж.-Б. Сэй.

Важнейшей заслугой Шевалье была разработка и заключение в 1860 г. торгового договора с Англией, известного как договор Шевалье – Кобдена, поскольку с английской стороны его подписал промышленник и политик Р. Кобден, один из основателей либеральной партии. Договор снижал таможенные пошлины и фактически вводил принцип свободной торговли. Его авторы, и прежде всего сам Наполеон III, рассчитывали, что условия этого договора станут стимулом для развития французской промышленности, всегда тяготевшей к соревнованию с Англией, самым могущественным своим партнером. Как полагает Данхэм, договор полностью выполнил свою задачу. Поначалу французские промышленники, естественно, были недовольны резким снижением таможенных пошлин, однако очень скоро убедились, что интенсивность обмена позволяет им не только развивать производство, но и внедрять в него новые технологии⁶².

Работа Данхэма ценна тем, что Шевалье показан в ней и как государственный деятель, и как мыслитель. Значительная часть книги посвящена биографии и идеям экономиста. Нужно отметить, что экономическую либеральную мысль эпохи Второй империи постигла та же участь, что и либерализм как политическое течение, – она была почти забыта. Шевалье стал продолжателем дела физиократов XVIII в., вдохновлявшихся идеями Адама Смита о свободном рынке и советовавших королям отказаться от жесткого протекционизма. Они не были тогда услышаны королями. А Наполеон III услышал голос Шевалье.

⁶⁰ *Smith W.* Op. cit., p. 278.

⁶¹ *Dunham A.L.* The Anglo-French Treaty of Commerce of 1860 and the Progress of the Industrial Revolution in France. Detroit, 1930.

⁶² *Ibid.*, p. 1.

Впрочем, идеи Шевалье и императора изначально имели немало общего. В молодости они оба были поклонниками Сен-Симона, считая его концепцию экономического развития на основе свободного обмена и сотрудничества ремесленников и капитала единственно верной для Франции. Оба они разделяли идею о том, что основой для развития демократии и общего прогресса нации является ее экономическое процветание.

Решение о заключении торгового договора с Англией принималось в течение почти восьми лет. Еще в первые годы империи Шевалье начал переписываться с Кобденом, излагая ему свои соображения о сотрудничестве двух стран и развитии каждой из них в отдельности. Данхэм показывает, что в этом вопросе Шевалье занимал более активную позицию, чем император. В сущности, на протяжении нескольких лет он “давил” на правительство, убеждая его в разумности заключения такого договора, в необходимости введения свободного обмена. Шевалье полагал, что император, как преданный сенсимонист, должен до конца следовать чтимым им принципам⁶³.

В целом деятельность Шевалье была отмечена высоким уровнем профессионализма. Выпускник престижной Политехнической школы, образованный, талантливый инженер и экономист, Шевалье прекрасно разбирался не только в экономической теории, но и в ее применении на практике: он знал, как работает рыночный и промышленный механизм. По мнению Данхэма, Шевалье, хорошо подготовленный теоретик и практик-технократ, оказывающий влияние на политику, сумел воплотить сенсимонистский идеал. Последствия торгового договора с Англией были им тщательно просчитаны, и в своих расчетах он почти не ошибся. Вопреки опасениям правительства и фабрикантов, в результате реализации условий этого договора не пострадала ни одна отрасль французской промышленности, и даже наоборот. Договор стимулировал, в частности, строительство обширной железнодорожной сети: ведь отныне требовалось перевозить товары быстро и эффективно⁶⁴. Правда, в отличие от Англии концентрация промышленности во Франции оставалась низкой. Там еще не было крупных промышленных центров, вроде Манчестера и Бирмингема, сохранялась мелкая сельская промышленность, так полностью и не вытеснившая тяжелую. При этом неоспоримым достижением являлось внедрение в промышленность новых методов и технологий производства, которое происходило благодаря ширившемуся научному и информационному обмену со странами-партнерами, в том числе с Англией, технологическим лидером Запада того времени. Отныне и вплоть до Первой мировой войны Франция уверенно двигалась по рельсам промышленного прогресса.

Своего рода итог социально-политическому развитию Второй империи подводит американец Ф. Норд⁶⁵. Его выводы, на наш взгляд, свидетельствуют о глубоком и адекватном понимании социальных изменений, которые оставил французам в наследство Наполеон III. Исследователь считает, что империя явила собой перелом, и прежде всего в идейных течениях. Классический либерализм изжил себя, уступив место новому либерализму – республиканскому движению, выразителю чаяний и ценностей среднего класса и буржуазии (в отличие от социализма, ориентированного только на рабочий класс, и либерализма, так и не вышедшего за рамки идеологии постреволюционной аристократии). Во второй половине XIX в. либерализм во Франции неизбежно демократизировался, его ценности слились с демократическими, и он стал идеологией среднего класса (собственно, таким и был “новый либерализм” Олливе). Беспрецедентный экономический прогресс в период империи дал мощный импульс для роста среднего класса. Однако вскормленный империей средний класс, недовольный авторитарным характером власти, стал для нее бомбой замедленного действия. С учетом всех перечисленных факторов можно утверждать, что обломки империи создали прочный фундамент для демократической республики.

⁶³ Ibid., p. 62.

⁶⁴ Ibid., p. 364.

⁶⁵ Nord Ph. *The Republican Moment: Struggles for Democracy in Nineteenth-Century France*. Cambridge (Mass.), 1995.

Знакомство с трудами англо-американских коллег дает нам возможность по-новому взглянуть на период Второй империи. Отныне она предстает как совокупность факторов прошлого и новой эпохи, как синтез идей и социальных течений, которые возникли во Франции начиная с эпохи Просвещения. Признавая политические и международные достижения Наполеона III, англо-американские историки считают его главными заслугами социально-экономический прогресс, промышленный переворот и создание нового общества – общества победившей буржуазии, причем не только “классической” промышленной. Был создан также средний класс в его современном значении. Император, согласно выводам этих исследователей, – вовсе не дорвавшийся до власти диктатор и тиран, а выдающийся мыслитель, разработавший и воплотивший свою концепцию идеального (на тот исторический момент) государства, которое смело можно назвать “диктатурой прогресса”. По оценке англо-американской историографии, Вторая империя была наиболее прогрессивным режимом в Европе того времени, основанном на социально-экономическом прогрессе и максимально приблизившимся к современному пониманию справедливости и благосостояния.